

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ДВОРЯНСТВА В УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ В 1761–1762 гг. И МАНИФЕСТ О ВОЛЬНОСТИ ДВОРЯНСКОЙ

Публикация подготовлена в рамках реализации исследований по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-5210.2018.6.

Рассматриваются экономические права дворянства в проектах XXII главы «О дворянстве и его преимуществах», созданных Уложенной комиссией в 1761–1762 гг., в их взаимосвязи с принятием Манифеста о вольности дворянства служить и не служить в 1762 г. Показано, что хотя дворянские экономические права формулировались в комиссии независимо от идеи вольности, сама концепция о дворянстве как о важном субъекте экономики влияла на положительное решение вопроса о вольности служить и не служить.

Ключевые слова: Манифест о вольности дворянской; Уложенная комиссия; российское дворянство; Российская империя; история экономической политики.

Манифест о вольности дворянства служить и не служить от 18 февраля 1762 г. традиционно признается в историографии одним из важнейших законодательных актов Российской империи XVIII в. При этом, как констатировала еще И. де Мадариага, «о предыстории появления этого манифеста, одного из краеугольных камней модернизации России, сохранилось мало достоверных сведений» [1. С. 50–51].

Одной из ключевых и наиболее влиятельных работ, в которых была предпринята попытка установить обстоятельства принятия Манифеста, была статья 1951 г. советского историка Н.Л. Рубинштейна, в которой им была рассмотрена деятельность Уложенной комиссии 1754–1766 гг. Проанализировав работу этой комиссии над XXII главой «О дворянстве и его преимуществах» в 1761–1762 гг., он пришел к выводу, что «программа дворянской вольности от службы попадает в текст проекта» этой главы «еще при Елизавете Петровне (в самом конце ее царствования)». При этом Рубинштейн полагал, что «проект главы 22 выдвинул в первую очередь именно комплекс социально-экономических привилегий дворянства... Освобождение от обязательной службы было лишь дальнейшим развитием этой программы». И далее он задавал такой вопрос: «Почему же этот вопрос (о социально-экономических привилегиях)... не нашел места в манифесте?» По мнению историка, это было связано с тем, что на рубеже 50–60-х гг. XVIII в. при дворе боролись две группировки с разными социально-экономическими программами. Первая, лидером которой был П.И. Шувалов и к которой относились Н.Ю. Трубецкой, А.И. Глебов и «идейно примыкавший» Д.В. Волков, была сторонником прокупеческой политики. Программа второй, которую возглавляли братья М.И. и Р.И. Воронцовы, а также Я.П. Шаховской, имела ярко выраженную дворянскую направленность. Соответственно, когда после восшествия на престол Петра III воронцовская группировка получила больше влияния, она смогла добиться принятия Манифеста о вольности дворянства служить и не служить, в который при этом из-за противодействия шуваловской группировки не были включены экономические привилегии дворянства. По Рубинштейну, именно борьба вокруг последних была наиболее существенной, а не вокруг вольности служить. И это

было связано «с социально-экономическими сдвигами, которые обозначились в русской жизни именно в этот период», а именно с оформлением в России капиталистического уклада [2. С. 238, 239, 243, 217–221, 251, 211].

Итак, в основе анализа Н.Л. Рубинштейна лежал социально-экономический детерминизм, характерный для советской историографии середины XX в. Поэтому, например, шуваловскую и воронцовскую группировки историк конструировал отнюдь не с помощью детального исследования взаимоотношений упоминаемых им персон. Основой для сближения тех или иных персон оказывались довольно вольно препарируемые их экономические взгляды, дававшие ключ к пониманию их классовых предпочтений. Именно благодаря этому, например, к шуваловской группировке оказался отнесен Д.В. Волков, хотя он находился в довольно натянутых отношениях с П.И. Шуваловым, а покровительствовал ему М.И. Воронцов [3. С. 44].

Концепция Н.Л. Рубинштейна, в которой принятие Манифеста о вольности связывалось с борьбой Шуваловых и Воронцовых вокруг экономических привилегий дворянства, получила поддержку в историографии [4. С. 142–143; 5. С. 26–27; 6. С. 94] и, что важно, не только в отечественной, хотя западные авторы и отнеслись с некоторым критицизмом к классовой риторике советского историка. Так, с основными наблюдениями Рубинштейна согласился М. Раев [7. Р. 1292]. Другой классик западной русистики И. де Мадариага в 1982 г. рассуждала, что Манифест о вольности был результатом компромисса, выработанным в бюрократических кругах, согласно которому «отвергалось требование Воронцовых об экономических и правовых привилегиях дворянства, таких как монополия на владение крепостными или освобождение от телесных наказаний. В то же время признавалась известная степень свободы дворян от унижительного принуждения к службе» [1. С. 52].

Правда, в 1993 г. К. Леонард в монографии о царствовании Петра III поставила под вопрос построения Н.Л. Рубинштейна. Историк предложила очистить источники, связанные с историей создания Манифеста о вольности, от интерпретационных наслоений, основанных на «представлении Рубинштейна о дворянских стремлениях в 1750-х гг.». В итоге она при-

шла к выводу об отсутствии разногласий между Уложенной комиссией «Шувалова/Глебова» и воронцовской Уложенной комиссией по проблеме ограничения прав купечества в сфере промышленного производства, и что под вопросом была лишь степень такого ограничения. Соответственно, Леонард предложила рассматривать принятие Манифеста о вольности как следствие консенсуса между приближенными Петра III, а не как результат борьбы, в рамках которой Воронцовы потерпели неудачу [8. Р. 55–57].

Однако данные рассуждения К. Леонард не получили поддержки историков. Соответственно, в 2003 г. один из ведущих современных специалистов по политической истории России XVIII в. И.В. Курукин, отталкиваясь от построений Н.Л. Рубинштейна, счел возможным утверждать, что «важнейшие преобразования» Петра III «оказывались не вполне продуманными или урезались в процессе исполнения». Так, Манифест о вольности дворянства не предусматривал «дворянской монополии на заведение промышленных предприятий и ликвидации купеческого предпринимательства. Эти гарантии предполагались проектом Уложения, составленным комиссией во главе с Р.И. Воронцовым, но были заблокированы составленным манифестом А.И. Глебовым и его единомышленниками» [9. С. 383]¹. Эти рассуждения Курукин с небольшими правками воспроизвел в 2019 г. [10. С. 437].

Правда, в 2010 г. С.В. Польской опубликовал статью об Уложенной комиссии 1754–1766 гг., в которой показал, что Н.Л. Рубинштейн в своей работе 1951 г. допустил весьма серьезную ошибку: советский историк на основании малозначительных стилистических исправлений отнес текст редакции XXII главы «О дворянах и их преимуществе», созданной в конце царствования Петра III – начале царствования Екатерины II, т.е. уже после принятия Манифеста о вольности, ко времени Елизаветы Петровны [11. Р. 321]. Таким образом, концепция Рубинштейна лишалась источниковой основы, ведь построения историка имели смысл лишь в том случае, если экономические привилегии дворян обсуждались параллельно с вопросом о вольности служить и не служить. Из открытия же Польского можно было сделать вывод, что экономические привилегии дворянства рассматривались вне зависимости от разработки Манифеста о вольности. Тем не менее, как это ни парадоксально, Польской в своей статье фактически воспроизвел рассуждения Рубинштейна, заявив: «По-видимому, в период с 17 января по 18 февраля 1762 года развернулась работа по составлению Манифеста, которая вылилась в борьбу между разными политическими позициями высших чиновников империи. Р.И. Воронцов представил своей проект расширения дворянских прав с утверждением монополий дворянства на землю и крепостных, винное производство и торговлю. Ставленники П.И. Шувалова – генерал-прокурор А.И. Глебов и секретарь императора Д.В. Волков – не могли допустить утверждения подобной монополии». В результате такой борьбы в Манифест не были включены экономические права дворян [Ibid. Р. 324].

Итак, хотя социально-экономический детерминизм советской историографии стал достоянием прошлого,

к настоящему времени в исторической науке сохраняется концепция создания Манифеста о вольности дворянства служить и не служить, построенная в середине XX в. как раз на таком детерминизме. В связи с этим в настоящей работе мы планируем вновь обратиться к проблеме экономических прав дворянства в Уложенной комиссии 1754–1766 гг. в ее взаимосвязи с Манифестом и с учетом новых данных об обсуждении дворянской службы в начале 1760-х гг., введенных в научный оборот в 2010-е гг.

В 1754 г. по предложению П.И. Шувалова была создана Уложенная комиссия, в состав которой вошли генерал-рекетмейстер И.И. Дивов, Юстиц-коллегии действительный статский советник И.И. Юшков, вице-президент Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел Ф.И. Эмме, статский советник Н.С. Безобразов, коллежский асессор В.А. Ляпунов, бургомистр Главного магистрата И.И. Вихляев, обер-секретарь Сената А.И. Глебов и профессор Академии наук Ф.Г. Штрубе де Пирмонт [2. С. 220]. Кроме того, в какой-то момент, судя по подписям под одним из проектов комиссии, к ним присоединился И.И. Козлов². Этим составом был в том числе подготовлен проект третьей части Уложения, посвященной правам подданных в зависимости от их *состояния*, т.е. социальной принадлежности. Однако данный проект, в котором даже не было специальной главы о дворянстве, не был утвержден. Более того, в 1760 г. в составе комиссии произошли существенные изменения. 29 сентября по предложению генерал-прокурора Сената Я.П. Шаховского в состав Уложенной были включены сенатор Р.И. Воронцов, который стал ее фактическим руководителем, и М.И. Шаховской, находившийся в тесных дружеских отношениях с семьей Воронцовых. Затем из нее постепенно были «А.И. Глебов, Ф. Штрубе де Пирмонт, И. Вихляев. На их место в состав Комиссии были привлечены, по представлению Р.Л. Воронцова и Я.П. Шаховского, А. Еропкин, ландрат Сиверс, асессор Ден, А. Квашнин-Самарин» [Там же. С. 225]. И.И. Дивова, освобожденного от присутствия в Комиссии «за многотрудную по его чину должность», заменил советник Рекетмейстерской канторы А.А. Яковлев [12. С. 162].

Новый состав Уложенной комиссии под руководством Р.И. Воронцова 7 апреля 1761 г. приступил «слушать» третью часть проекта, составной частью которой стала XXII глава «О дворянах и их преимуществе». Работе над этой главой в комиссии предшествовал ее проект из 12 статей, составленный, скорее всего, Р.И. Воронцовым же. По крайней мере, он сохранился в его бумагах, связанных с работой над проектом Уложения. Экономическим правам дворянства в этом проекте были посвящены статьи с 9-й по 11-ю. В 9 статье заявлялось: «Нешляхетным в Российском...государстве деревень никому не покупать, ниже и под закладом держать, а покупать одному дворянству, которому для лутчаго своего содержания разными со оных продуктами пользоваться, и что со оных продуктов за расходом останется, и оное, где кто похочет, продавать. А каким образом и с какою предосторожностью фабрикантом для содержания фабрик в покупке деревень позволить, о том показано

в 4 части». После этого шли статьи 10 и 11, в которых со ссылками на соответствующие указы 1754 и 1755 гг. фиксировалась дворянская монополия на винокурение и поставку вина в казну, в связи с чем дополнительно определялось «купечество до содержания винокуренных заводов и к подрядам в поставке вина на кабаки не допускать, понеже купцы должны в торги вступать и комерцию разпространять» [13. Л. 561–562]. Итак, первый из известных к настоящему времени проектов главы «О дворянах и их преимуществе» не вводил дополнительных экономических привилегий для дворян по сравнению с теми, какие у них были к 1760 г., и только фиксировал нормы действовавшего права. Соответственно, он допускал, что недворяне «с предосторожностью» могли покупать деревни к фабрикам. В этом отношении проект фактически следовал указу от 12 марта 1752 г., в котором количество покупных крепостных было поставлено в зависимость от размеров производства [14. С. 72–74].

Воронцовский проект, оказавшись в Уложенной комиссии, был положен в основу первой редакции XXII главы «О дворянах и их преимуществе» из 13 статей, где отмеченные экономические права дворян были с небольшими коррективами в формулировках зафиксированы в статьях с 10-ю по 12-ю [15. Л. 392–399]. Однако затем в комиссии глава подверглась переделке, в результате чего была создана вторая редакция из 16 статей, из которых экономических прав дворянства касались статьи с 10-й по 15-ю. В 10-й статье заявлялось: «Нешляхетным в Российском нашем государстве, кроме новозавоеванных провинций, которые во всем оставляются при своих конфирмованных правах, деревень никаких не покупать, ниже под закладом держать, а покупать и держать под закладом одному дворянству, которому для лучшего своего содержания разными своими продуктами пользоваться, а что своих хлебных и харчевных продуктов за расходом останется, и оное где кто похочет продавать». Норма же о разрешении недворянам покупать *деревни к фабрикам* была вычеркнута [Там же. Л. 398].

Затем шла новая 11-я статья, посвященная *заводам*, по которой дворянство получало *волю* в строительстве заводов на своих землях. И, что важно подчеркнуть, эта воля давалась «с исключением всех купцов и разночинцов». данные нормы составители Уложения сочли необходимым специально обосновать. Статья открывалась утверждением, что право «заводы заводить» предоставлялось дворянам по причине, что «наилучшей помещикам доход между прочим в заведении в их дачах всякого звания заводов быть может». Это же право отбиралось у «купцов и разночинцов, дабы» дворянину «для лучшего содержания себя способ и в действительном таких заводов совершении для общественной пользы лучшая надежда была». Кроме того, составители Уложения утверждали, что «купцы и разночинцы о получении в заведении разных заводов и фабрик привелегий старались не для того, чтоб такие заводы и фабрики действительно заводить и в должное совершенство приводить, но токмо дабы под видом заводов и фабрик деревни купить и другими разными вольностями, как то ж увольнением от салдатского постою и всяких по

магистрате служб и других должностей пользоваться, от чего дворянам конечное в покупке деревень и земель утеснение, купечеству в отправлении дальних служб и других по магистрате должностей излишняя тягость, а Государству невозвратной такой убыток приключился, что едва какой завод или фабрика в совершенное состояние к общей пользе и к разпространению купечества приведены были». Соответственно, Уложенная комиссия предлагала, чтобы «впредь с публикации сего уложения всякого звания заводов держать одному дворянству, кроме таких, кои точно особыми... именными указами кому завести велено, прочее ж за тем заводы, которые поныне заведены, и оные Комерц и Берг коллегиям освидетельствовать, и кои по свидетельству являца в произведении не действительны, те уничтожить, а прочее с деревнями продавать желающим от дворянства в 10 лет». При этом *дворянству* предписывалось «в том крайнее старание иметь и никаких изживлений не жалеть, что б такие заводы в цветущее состояние к Государственной славе и пользе конечно приведены были». В связи с этим дворяне получали разрешение в своей промышленной деятельности «искусных в таких делах купцов и разночинцов» брать в *товарищество* [15. Л. 389–389 об.].

Следующая – 12 статья – была посвящена *фабрикам*. В ней определялось, что дворяне получают «равное же преимущество... в заведении всякого звания фабрик... ежели в своих дачах такие заводить желают». При этом отмечалось, что «такие фабрики и кроме их дворянских дач в Государстве ...по городам и другим местам заведены быть могут», в связи с чем к их организации разрешалось «купечество и разночинцов допускать, также в покупке людей, сколько к какой либо фабрике по свидетельству необходимо потребно, позволять». В то же время *купцам и разночинцам* запрещалось к фабрикам покупка «деревень и земель», в связи с чем недворянам, которые купили *деревни и земли* «под видом содержания фабрик», предписывалось продать их дворянам в пятилетний срок. Уже 13 статья была посвящена вопросу продажи изделий с заводов и фабрик. Она устанавливала «никому из заводчиков и фабрикантов зделанных своих на заводах и фабриках вещей и товаров по городам в лавках не держать и на сторону мимо рядов ис того города в разницу отнюдь никому не продавать, ... а продавать им те свои деланные товары и вещей в ряды торгующим лавочникам, а к портам возить большим и малым числом в отпуск за море и за границы и при тех портах и границах продавать росейским и чужестранным купцам оптом, а не в розницу». Статьи 14 и 15 подтверждали дворянскую монополию в винокурении [1 Там же. Л. 398 об.–399, 389–390].

Итак, по сравнению с первоначальным – воронцовским – проектом, где фиксировались нормы действовавшего права, экономические права дворянства явно увеличивались. По второй редакции XXII главы «О дворянах и их преимуществе» право недворян на покупку деревень к промышленным предприятиям ликвидировалось. Отметим, что в письме от 5 марта 1761 г. И.И. Воронцов, обращаясь к своему старшему брату Р.И. Воронцову по вопросу владения одной не-

дворянской семьей деревнями, заявлял, что «справедливость требовала, чтоб пресечь оное, дабы одно дворянство право оное имели и деревнями владели, но сие смешено, так что всякой ползуетца и покупают деревни» [16. Л. 281]. Таким образом, представители семейства Воронцовых исходили, прежде всего, из четко сформулированной идеи, что *право владеть деревнями*, т.е. крепостными с землей, должно принадлежать исключительно дворянству. Примечательно, что проект XXII главы оставлял недворянам право на покупку крепостных без земли. Получалось, что в воронцовском истолковании дворянских прав ключевым была связка между владением землей и крепостными. Исходя из этого, понятно, почему по проекту дворянство помимо существовавшей монополии на винокурение должно было получить монополию на владение *заводами*. Комиссия не разясняла, какие именно предприятия должны считаться заводами, а какие – фабриками. Однако упоминание о Берг- и Коммерц-коллегиях, которые должны были «освидетельствовать заводы», позволяет утверждать, что речь шла, во-первых, о предприятиях, занимавшихся добычей и переработкой полезных ископаемых и бывших в ведомстве Берг-коллегии, а во-вторых, о поташном производстве, бывшем в ведении Коммерц-коллегии. Соответственно, это были предприятия, для работы которых требовались обширные земельные угодья, владельцами которых являлось именно дворянство. В данной логике последнее представляло, прежде всего, не просто как совокупность душевладельцев, а как владельцы природных богатств, которые должны были активно их использовать во благо процветания государства. При этом заметим, что комиссия, проявляя некоторую заботу о городском населении, предписывала *фабрикантам* и *заводчикам* вне зависимости от их сословной принадлежности вести только оптовую торговлю продуктами их предприятий.

Время, когда в Уложенной комиссии обсуждались эти нормы, позволяет определить следующее. 21 сентября 1761 г. в Уложенной комиссии состоялось «разсуждение», во время которого отмечалось, что комиссия «должна... дворянству, равно и купечеству принадлежащие преимущества их и кто чем имеет пользоваться учинить право, которые и сочиняются», в связи с чем было решено обратиться в Сенат и «требовать, дабы от сего числа впредь, доколе новое уложение действительно от Ея Императорского Величества высочайше конфирмовано не будет, по то время купцам и разночинцам фабрик и заводов вновь никому, кроме дворян, заводить, толь больше к ним деревень покупать не позволять, чтоб от того в сочинении дворянского и купеческого права затруднения происходить не могло, разве купцы такие фабрики завести пожелают, которых в России никогда не бывало». Такое доношение за подписями членов комиссии Р.И. Воронцова, М.И. Шаховского и Ф. Эмме было направлено в Сенат 28 сентября [17. Л. 70–71]. Таким образом, идея о запрете недворянам покупать деревни к промышленным предприятиям, а также проблема возможной монополии дворян на владение *заводами* была окончательно сформулирована и одобрена в Уложенной комиссии к концу сентября 1761 г.

Данное доношение было рассмотрено в Сенате 2 октября 1761 г. «в присутствии кн. Я.П. Шаховского, И.И. Костюрина, кн. М.И. Шаховского, А.Г. Жеребцова, П.И. Шувалова и И.И. Неплюева», где было принято решение «по оному доношению, выписав из указов доложить» [2. С. 227–228]. Заметим, что Сенат не отличался скоростью принятия решений. Кроме того, из-за болезни Елизаветы Петровны сенаторы могли не спешить принимать важные решения, ожидая скорой перемены на престоле. В качестве примера можно указать на судьбу сенатского доклада императрице о дворянском образовании. Он был подготовлен по итогам заседания 19 октября 1761 г., его подписание началось 29 октября, однако так и не завершилось вплоть до смерти Елизаветы Петровны 25 декабря [18. С. 137].

Тем не менее второй редакцией работа Уложенной комиссии над XXII главой «О дворянах и их преимуществе» в царствование Елизаветы Петровны не ограничилась. Ее еще раз переработали и в результате получили третью редакцию из 11 статей. Она была завершена, похоже, незадолго до смерти Елизаветы Петровны. По крайней мере, в ее тексте Петр I, первоначально названный «Государем родителем», был затем переправлен на «Государя деда», т.е. это был явно текст рубежа двух царствований. Специфика новой редакции состояла в том, что восьмая статья, названная «О преимуществах дворянских», была разбита на семь своеобразных подстатей, в каждой из которых фиксировалось отдельное *дворянское преимущество*. Четыре из них касались экономических прав. Четвертое *преимущество* заключалось в том, чтобы «никому из нешляхетных деревень и земель не покупать, ниже под заклад брать», пятое – «дворянам одним пользоваться заводами разного рода», шестое – «дворянам одним только владеть фабриками, при которых деревни», в связи с чем недворяне должны были продать в установленный срок фабрики с деревнями, и седьмое – «вино курить, и подряды в поставке вина на кабаки иметь одним только помещикам» [19. Л. 289 об. – 293]. Затем 9-я статья этой редакции подтверждала, что «старые купеческие винокуренные заводы» следовало закрыть. Примечательно, что при этом было записано, что *купцы* должны были «не препятствовать дворянству пользоваться деревнями», а *дворянам* следовало «ни в какие торги не вступаться». Однако при редактировании этот запрет для дворян был вычеркнут. Далее, статья 10 запрещала «заводчикам и фабрикантам» владеть «по городам и другим местам» лавками и продавать в розницу произведенные на заводах и фабриках товары [Там же. Л. 293 об. – 294].

Третья елизаветинская редакция XXII главы «О дворянах и их преимуществе» подверглась переработке после восшествия на престол Петра III. В немалой степени необходимость переработки была продиктована тем, что новый монарх 17 января 1762 г. объявил о вольности российского дворянства служить и не служить, после чего в Сенате к 8 февраля был подготовлен текст Манифеста о вольности дворянства, который Петр III подписал 18 февраля [20. С. 42, 50]. Как результат была создана новая – петровская – редакция этой главы из 11 статей, в 8-ю статью которой

«О преимуществах дворянских» в качестве первого преимущества включили нормативную часть Манифеста о вольности. Что же до экономических прав, то было внесено еще одно *дворянское преимущество*, по которому «дворянин волен с своими деревнями и в них делать что пожелает». Это касалось не только права их продавать и покупать, а и «строить мельницы, копать пруды и рвы, только б от того не было соседу вреда, иметь в лесах своих и на полях всякую звериную ловлю, также и рыбную в своих озерах и прудах и в близ лежащих реках и ручьях, употреблять свой лес на строение или на сожигание, продавать и обменивать безо всякого препятствия и протчия домостроительству его нужные и полезные дела предпринимать» [15. Л. 383 об.–384]. Фактически это была единственно значимая новация петровской редакции по вопросу экономических привилегий дворянства по сравнению с третьей елизаветинской.

Кроме того, вскоре после опубликования Манифеста о вольности в Сенате рассмотрели упомянутое выше доношение Уложенной комиссии. По итогам обсуждения сенаторы подали Петру III доклад, который он утвердил 21 марта. Во исполнение этого Сенат 29 марта приказал «всем фабрикантам и заводчикам, пока новое Уложение... подтверждено не будет, по то время отныне к их фабрикам и заводам деревень с землями и без земель не дозволять, а довольствоваться им вольными наемными по паспортам за договорную плату людьми; в заведении ж вновь фабрик и заводов... воспрещения никому не чинить» [21. № 11490. С. 966]. Получалось, что в вопросе владения крепостными Сенат пошел дальше предложения Комиссии. Если последняя допускала, что недворяне могли покупать крепостных без земли к фабрикам, то сенаторы решили лишить их и этого права. В то же время они сочли явно излишним запрещать открытие недворянами новых фабрик и заводов.

По каким-то причинам в Уложенной комиссии работа над редакцией XXII главы «О дворянах и их преимуществе» продолжилась. И, как можно понять из правок, ее редактирование началась еще в царствование Петра III, а завершилась после его свержения. Ее новая – екатерининская – редакция состояла из 23 статей. Такое увеличение количества статей – с 11 до 23 – было связано с тем, что в комиссии решили убрать восьмую статью «О преимуществах дворянских», а дворянские *преимущества* зафиксировать в виде отдельных статей. Экономическим правам дворянства были посвящены статьи с 16-й по 21-ю. Прежде всего, 16-я статья определяла «нешляхетным деревень и земель никаких не покупать, ниже под заклад брать, а покупать и под заклад брать одним только дворянам, которым для лучшего своего содержания разными с оных доходами и продуктами пользоваться, и оныя где кто хочет, внутри государства продавать может». Затем 17-я статья провозглашала свободу дворян распоряжаться своими деревнями, в том числе осуществлять любую хозяйственную деятельность, не запрещенную законами. 18-я статья устанавливала монопольное право дворянства на владение *заводами*, в связи с чем купцы и разночинцы, владевшие заводами, должны были продать их дворя-

нам в течение десяти лет. При этом допускалось, что дворянин при организации завода может привлечь в *товарищество* кого-либо «из искусных в таких делах купцов и разночинцов». Кроме того, 19-я статья определяла, что *фабриками* с деревнями владеть могут только дворяне, в связи с чем недворяне должны были продать дворянам фабрики с землями в течение пяти лет. При этом у недворян сохранялось право без покупки деревень создавать фабрики и приобретать к ним крепостных. Далее, 20-я статья подтверждала дворянскую монополию на винокурение. Что же до торговли, то 21-я статья устанавливала, что *заводчики* и *фабриканты* не имели права розничной торговли и должны были «продавать... деланные товары и вещи в ряды торгующим лавочникам и ко пристанищам возить большим и малым числом для отпуска в чужие края». При этом предполагалось, что в портах и «на границах» такие товары, «кроме неделанной меди и железа», должны были продаваться только российским купцам [13. Л. 626 об.–630; 15. Л. 383 об.–388]. Можно сказать, что только последняя норма екатерининской редакции была значимой новацией по сравнению с петровской. На этом работа над XXII главой завершилась. Более того, уже в 1763 г. работа Уложенной комиссии фактически замерла, так как Екатерина II не высказала заинтересованности в ее результатах.

Итак, вернемся к затронутой Н.Л. Рубинштейном теме о том, почему вопрос о экономических привилегиях «не нашел места в манифесте». На наш взгляд, ответ на него лежит на поверхности: потому что Петр III 17 января 1762 г. указал подготовить Манифест о вольности служить и не служить, а не об экономических правах дворянства. Было бы весьма странно, если бы вместо проекта манифеста о службе на стол монаху лег проект манифеста о заводах. При этом подчеркнем, что проблема дворянской вольности служить и не служить до воцарения Петра III не поднималась ни в Уложенной комиссии, ни в Сенате, не говоря о том, чтобы рассматриваться в комплексе с экономическими правами. Соответственно, увязывание принятия Манифеста о вольности 1762 г. с борьбой вокруг экономических права дворянства оказывается беспочвенным. Работа над формулированием экономических прав дворянства началась в Уложенной комиссии в 1761 г. и продолжилась в 1762 г. Как видно из процесса редактирования XXII главы «О дворянах и их преимуществе», привилегии благородного сословия в экономике от одной редакции к другой расширялись. И этот процесс был затем прерван отнюдь не «шуваловской» группировкой из окружения Петра III, а из-за восшествия на престол Екатерины II.

В то же время, на наш взгляд, работа над экономическими правами Уложенной комиссии с 1761 г. все же могла оказать влияние на утверждение вольности дворянства служить и не служить. Ведь в процессе формулирования этих прав дворянин и его владения рассматривались как важный элемент экономики, и не только в сфере сельского хозяйства, а и в промышленном производстве. Соответственно, это подводило к тому, что дворянин может быть полезен государству не только будучи на службе, а и занимаясь экономи-

ческой деятельностью в своем хозяйстве (ср.: [22. С. 8–9]). Здесь укажем, что в октябре 1761 г. в Сенате подготовили доклад, в котором предполагалось просить Елизавету Петровну ограничить дворянскую службу 25 годами, по прошествии которых дворянин мог выйти в отставку «вечно без свидетельства докторского, из чего произростать может общая польза, потому что деревни под всегдашним присмотром своих помещиков придут в лутчее состояние и, следовательно, во всяких с крестьянства Государственных зборах доимки не будет» [23. Л. 50 об.–51]. Затем в 1763 г. в Комиссии о вольности дворянской, рассуждая о европейском дворянстве, отмечали, что «и неслужащий трудится в своей приватной экономии и богатыя себя фабриками, заводами и рудными местами, богатит свое отечество... так что ежели и служащий шляхтич востребует по своим домашним приключениям отпуска на такое хозяйство, где он, кроме себя, никому поверить не может, то хотя бы и надобен был в службе, его в дом отпускают». Соответственно, предлагая норму «Дворянин свободу имеет служить и не служить в отечестве своем, а служащий продолжает службу, сколь долго пожелает», Комиссия обосновывала ее и тем, что «делает он (дворянин. – М.К.) пользу государству земледелием и экономией своею, ибо ежели бы все до единого дворяне служить были принуждены, оставляя в домах престарелых и увечливых отцов и малолетних детей, то сколько бы неплодородных земель было в государстве, земледелие и вся внутренняя экономия пришли бы в крайнее всегда ослабление» [24. С. 116–117, 120].

В логике представлений о дворянстве как о важном субъекте экономики у государственной службы появлялась альтернатива, которая допускала, что и неслужащий дворянин будет полезен *отечеству*. Соответственно, сторонники *вольности служить и не служить* могли объяснить, что же будет делать неслужащий дворянин: он будет заниматься «земледелием и экономией своею»! Раз так, то служба оказывалась лишь одним из вариантов, которые мог выбрать для себя *благородный*. Таким образом, деятельность Уложенной комиссии по определению экономических прав дворянства в начале 1760-х гг. в итоге работала на положительное решение вопроса о вольности дворян служить и не служить, что было связано не с борьбой «прокупеческой» и «продворянской» группировок при дворе, как это пытался представить Н.Л. Рубинштейн. Это было связано с общим процессом выработки правящей дворянской элитой комплекса взаимосвязанных корпоративных привилегий *благородных*, где одно право должно быть логично взаимосвязано другим правом. Соответственно, обсуждение экономических прав в Уложенной комиссии в 1761–1762 гг. и принятие Манифеста о вольности 1762 г. находятся не в каузальной связи, а в контекстуальной. При этом следует учитывать, что в ходе выработки отдельные элементы этих прав могли корректироваться, сохраняя свою общую направленность – утверждение дворянства как главного привилегированного сословия империи, обладающего монопольной ответственностью над крепостными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отметим, что И.В. Куркин, утверждая, что «к концу царствования Елизаветы можно говорить о некотором оживлении шляхетских надежд», ссылается на заметки М.И. Воронцова «к рассуждению о вольности дворянства» [9. С. 374, 409]. Однако, как еще в 2001 г. установил О.А. Омельченко, «Пункты к рассуждению о вольности дворянства» были написаны Воронцовым в 1763 г. в период его работы в Комиссии о вольности дворянства [24. С. 24]. Таким образом, данный воронцовский документ не может свидетельствовать о настроении дворянства в конце царствования Елизаветы Петровны.

² О том, что Козлов – «умной и знающий законы человек, но токмо пред тем вышел из-под следствия по мздоимствам и воровствам» – участвовал в Уложенной комиссии, написал еще М.М. Щербатов в своем известном памфлете «О повреждении нравов в России». О.А. Омельченко, комментируя это щербатовское утверждение, написал, что «Щербатов что-то напутал об участии И.Ф. Козлова в Комиссии» [5. С. 16]. Однако подпись *Иван Козлов* действительно стоит под главами проекта третьей части Уложения [25. Л. 3 об., 119 об.]. Конечно, это подпись не генерала Ивана Федоровича Козлова, умершего в 1752 г., а его сына Ивана, будущего генерала-рекетмейстера и сенатора, которого Щербатов имел возможность знать лично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: НЛЮ, 2002. 973 с.
2. Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х – начала 60-х годов XVIII в.) // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 38. С. 208–251.
3. Киселев М.А. Казус Д.В. Волкова: «Подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 3. С. 42–52.
4. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 396 с.
5. Омельченко О.А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века). М.: ВЮЗИ, 1989. 151 с.
6. Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX века. М.: Наука, 2002. 363 с.
7. Raeff M. The Domestic policies of Peter III and his overthrow // The American Historical Review. 1970. Vol. 75, № 5. P. 1289–1310.
8. Leonard C.S. Reform and Regicide: the Reign of Peter III of Russia. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1993. 232 p.
9. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). Рязань, 2003. 565 с.
10. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб.: Наука, 2019. 757 с.
11. Польской С.В. «На разные чины разделяя свой народ...»: законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // Cahiers du Monde Russe. 2010. Vol. 51, № 2–3. P. 303–328.
12. История Правительствующего Сената за двести лет 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 2. 806 с.
13. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Ф. 36. Оп. 1. Д. 380.
14. Киселев М.А. Промышленное законодательство Российской империи 40–50-х годов XVIII в. и его влияние на покупку крепостных к частной мануфактуре (по материалам Мануфактур-коллегии) // Историческое исследование и историческое повествование: традиции научной школы А.Л. Шапиро. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2013. С. 66–77.

15. Российский государственный архив древних актов (далее –РГАДА). Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. 2.
16. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 131.
17. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 64.
18. Киселев М.А. И.И. Шувалов и Манифест о вольности дворянства 1762 г. // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 131–143.
19. РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Ч. 2.
20. Киселев М.А. Манифест о вольности дворянства 1762 года: реконструкция истории текста // Российская история. 2014. № 4. С. 37–52.
21. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Т. 15. СПб. : Тип. И отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.
22. Бугров К.Д. «Экономия» и добродетель: этический регулятор помещичьего хозяйства в российской общественно-политической мысли XVIII – начала XIX в. // История: Факты и символы. 2019. № 1. С. 7–18.
23. РГАДА. Ф. 248. Д. 2944.
24. Омельченко О.А. Императорское Собрание 1763 года. (Комиссия о вольности дворянской). М. : МГИУ, 2001. 160 с.
25. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 ноября 2019 г.

The Problem of the Economic Rights of the Nobility in the Legislative Commission in 1761–1762 and the Manifesto on the Freedom of the Nobility

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 449, 135–142.

DOI: 10.17223/15617793/449/16

Mikhail A. Kiselev, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation); Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: mikhail.a.kiselev@gmail.com

Keywords: Manifesto on the Freedom of the Nobility; Legislative Commission; Russian nobility; Russian Empire; history of economic policy.

The article discusses the economic rights of the Russian nobility in the projects of Chapter XXII “On the Nobility and Its Advantages” created by the Legislative Commission in 1761–1762, in its relationship with the 1762 Manifesto on the Freedom of the Nobility to serve and not to serve. In 1951, the Soviet historian N.L. Rubinstein put forward a concept according to which the programme of the nobility’s freedom was formulated by the court “pro-noble” group of the Vorontsovs in the Legislative Commission at the end of the reign of Elizabeth Petrovna. At the same time, he argued that the key point in the programme was the economic privileges of the nobility, but not the freedom to do and not to do service. However, due to the opposition of the “pro-merchant” group of the Shuvalovs, the economic privileges were not approved by Peter III. He approved only the freedom to serve and not serve; thus, the Manifesto was adopted. Rubinstein’s concept of struggle around the nobility’s rights on the eve of the Manifesto’s adoption was supported by historians S.M. Troitsky, S.O. Schmidt, O.A. Omelchenko, M. Raeff, I. de Madariaga, I.V. Kurukin, S.V. Polskoy. However, as it has been revealed, Rubinstein made a significant factual error in the reconstruction of the work of the Legislative Commission on the draft of Chapter XXII “On the Nobility and Its Advantages”. In this regard, this article again considers the problem of the economic rights of the nobility in the Legislative Commission of 1754–1766 in its relationship with the Manifesto. As a result, six drafts of the chapter, created in 1761–1762, have been identified and analysed. It has been established that the problem of the nobility’s freedom to serve and not to serve never arose either in the Legislative Commission or in the Senate in connection with the economic rights of the nobility before Peter III’s accession to the throne. Accordingly, linking the adoption of the 1762 Freedom Manifesto with the struggle over the economic rights of the nobility is groundless. Work on the formulation of the economic rights of the nobility began in the Legislative Commission in 1761 and continued in 1762. As can be seen from the drafts of Chapter XXII, the privileges of the nobles in the economy were expanded from one draft to another. This process was then interrupted by Catherine II’s accession to the throne, not by the Shuvalovs’ group. At the same time, although the nobility’s economic rights were formulated in the Commission regardless of the idea of their freedom, the very concept of the nobility as an important subject of the economy worked to positively resolve the issue of freedom to serve and not to serve. According to the author, the discussion of the economic rights in the Legislative Commission in 1761–1762 and the adoption of the 1762 Manifesto is not in a causal connection, but in a contextual one.

REFERENCES

1. Madariaga, I. (2002) *Rossiya v epokhu Ekateriny Velikoy* [Russia in the Era of Catherine the Great]. Moscow: NLO.
2. Rubinshteyn, N.L. (1951) Ulozhennaya komissiya 1754–1766 gg. i ee proekt novogo Ulozheniya “O sostoyanii poddannyykh voobshche” (K istorii sotsial’noy politiki 50-kh – nachala 60-kh godov XVIII v.) [Legislative Commission of 1754–1766 and Its Draft of the New Code “On the State of Citizens in General” (On the History of Social Policy of the 1750s – Early 1760s)]. In: Grekov, B.D. (ed.) *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. Vol. 38. Moscow: USSR AS. pp. 208–251.
3. Kiselev, M.A. (2012) D.V. Volkov’s Case: Scribes at the Top Level of Power in the Russian Empire of the 18th Century. *Ural’skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 3. pp. 42–52. (In Russian).
4. Troitskiy, S.M. (1974) *Russkiy absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v.: formirovaniye byurokratii* [Russian Absolutism and the Nobility in the 18th Century: The Formation of Bureaucracy]. Moscow: Nauka.
5. Omel’chenko, O.A. (1989) *Kodifikatsiya prava v Rossii v period absolyutnoy monarkhii (vtoraya polovina XVIII veka)* [Codification of Law in Russia During the Period of Absolute Monarchy (Second Half of the 18th Century)]. Moscow: VYuZl.
6. Schmidt, S.O. (2002) *Obshchestvennoe samosoznanie rossiyskogo blagorodnogo sosloviya, XVII – pervaya tret’ XIX veka* [Public Identity of the Russian Noble Estate, 17th – the First Third of the 19th Centuries]. Moscow: Nauka.
7. Raeff, M. (1970) The Domestic policies of Peter III and his overthrow. *The American Historical Review*. 75 (5). pp. 1289–1310.
8. Leonard, C.S. (1993) *Reform and Regicide: the Reign of Peter III of Russia*. Bloomington: Indiana Univ. Press.
9. Kurukin, I.V. (2003) *Epokha “dvorskikh bur”*. *Ocherki politicheskoy istorii poslepetrovskoy Rossii (1725–1762 gg.)* [The Era of “Court Storms”. Essays on the Political History of Post-Petrine Russia (1725–1762)]. Ryazan: Chastnyy izdatel’ P. A. Tribunskiy.
10. Kurukin, I.V. (2019) *Epokha “dvorskikh bur”*. *Ocherki politicheskoy istorii poslepetrovskoy Rossii (1725–1762 gg.)* [The Era of “Court Storms”. Essays on the Political History of Post-Petrine Russia (1725–1762)]. St. Petersburg: Nauka.
11. Pol’skoy, S.V. (2010) “Na raznye chiny razdelyaya svoj narod...”: zakonodatel’noe zakreplenie soslovnogo statusa russkogo dvoryanstva v sereдине XVIII veka [“Dividing Their People into Different Ranks”: Legislative Consolidation of the Class Status of the Russian Nobility in the Middle of the 18th Century]. *Cahiers du Monde Russe*. 51 (2–3). pp. 303–328.

12. Presnyakov, A.E. & Chechukin, N.D. (1911) *Istoriya Pravitel'stvyuyushchego Senata za dvesti let 1711–1911 gg.* [The Two-Hundred-Year History of the Governing Senate. 1711–1911]. Vol. 2. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
13. Scientific-Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Fund 36. List 1. File 380. (In Russian).
14. Kiselev, M.A. (2013) [Industrial Legislation of the Russian Empire of the 1740s–1750s and Its Influence on the Purchase of Serfs for a Private Manufactory (Based on the Materials of the Collegium of Manufacturing)]. *Istoricheskoe issledovanie i istoricheskoe povestvovanie: traditsii nauchnoy shkoly A.L. Shapiro* [Historical Research and Historical Narrative: Traditions of the Scientific School of A.L. Shapiro]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 66–77. (In Russian).
15. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 342. List 1. File 63. Pt. 2. (In Russian).
16. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1261. List 3. File 131. (In Russian).
17. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 342. List 1. File 64. (In Russian).
18. Kiselev, M.A. (2016) Shuvalov and Manifesto on the freedom of the nobility of 1762. *Voprosy istorii*. 3. pp. 131–143. (In Russian).
19. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 10. List 1. File 15. Pt. 2. (In Russian).
20. Kiselev, M.A. (2014) The 1762 Manifesto of the Freedom of Nobility: Reconstruction of the History of the Text. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 37–52. (In Russian).
21. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Compiled by the Order of Emperor Nicholas Pavlovich]. Vol. 15. St. Petersburg: Tip. II otd. Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
22. Bugrov, K.D. (2019) “Ekonomiya” i dobrodetel’: eticheskiy regulyator pomeshchich'ego khozyaystva v rossiyskoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XVIII – nachala XIX v. [“Economy” and Virtue: The Ethical Regulator of Landowner Economy in the Russian Sociopolitical Thought of the 18th – Early 19th Centuries]. *Istoriya: Fakty i simvoly – History: Facts and Symbols*. 1. pp. 7–18.
23. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 248. File 2944. (In Russian).
24. Omel'chenko, O.A. (2001) *Imperatorskoe Sobranie 1763 goda. (Komissiya o vol'nosti dvoryanskoy)* [The Imperial Assembly of 1763 (Commission on the Freedom of the Nobility)]. Moscow: Moscow State Industrial University.
25. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 342. List 1. File 63. Pt. 1. (In Russian).

Received: 11 November 2019